

УДК 821.111

Возможность наличия прототипа у Горацио в пьесе Шекспира «Гамлет»

Ернджакян Ара Арутюнович

Кандидат искусствоведения,
заслуженный деятель искусств Армении,
народный артист Республики Армения,
художественный руководитель Ереванского Государственного Камерного театра,
0009, Армения, Ереван, просп. Маштоца, 58;
e-mail: chamber_theatre@mail.ru

Аннотация

Рассматривается ряд прототипов героев шекспировских произведений, в том числе действующих лиц трагедии «Гамлет». Тенденцию литературного «прототипирования» автор статьи трактует как одну из важных особенностей творческой манеры Шекспира, которая дает основание заключить, что у многих персонажей его пьес, не зависимо от их участия в действии, могут быть реальные прототипы. Особый интерес автора вызывает образ Горацио из трагедии «Гамлет» – друга и однокашника принца Датского. Однако цель исследования не сводится к поиску и анализу существующих и вероятных версий, а заключается в подведении к мысли о возможности существования прототипа для данного персонажа, выводимая из специфики работы Шекспира над произведением. В связи с чем в статье приводится масштабное иллюстрирование фактов «заимствования», обоснование их значимости в творчестве классика.

Для цитирования в научных исследованиях

Ернджакян А.А. Возможность наличия прототипа у Горацио в пьесе Шекспира «Гамлет» // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 2А. С. 86-95.

Ключевые слова

Образная система, прототип, Гамлет, Горацио, Шекспир, Елизавета I.

Введение

Исследователи творчества Шекспира не раз отмечали, что многие герои его произведений имели прототипов. Разумеется, поиск реальных лиц, послуживших «образцом» для

художественного образа, в основном направлен на главных героев, значимость которых бесспорна. Относительно иных, менее важных персонажей, этот вопрос тоже представляет интерес, но далеко не всегда выявляет нечто концептуально значимое в понимании произведения. Особый случай представляют герои, что и главными не являются, но и роль второстепенных им не подходит в силу особого отводимого на их счет авторского замысла. В пьесе Шекспира «Гамлет» – одном из наиболее известных мировых произведений, но до сих пор хранящей массу загадок, – таким образом является Горацио. В понимании этого персонажа с особым, как неоднократно отмечалось исследователями [см. Верховский, 2012] и разделяется нами, положением в пьесе, представляет интерес и его прототипность. Однако своей целью мы видим не столько поиск возможных версий и их толкование, сколько саму возможность существования прототипа для данного персонажа. Для чего наша исследовательская задача сводится к масштабному обоснованию использования Шекспиром прототипов в своей работе драматурга, наличие фактов такого «заимствования» в масштабах и значимости их художественной проработки.

Прототипные образы в драматургии Шекспира

Поводы для подобных литературных заимствований «реальных лиц» были самые разные, иногда довольно комичные. По легенде, в молодые годы Шекспир развлекался браконьерством, т. е. вместе с друзьями охотился там, где этого делать было нельзя. В частности, стрелял дичь во владениях, принадлежащих сэру Томасу Люси. Первый биограф Шекспира Николас Роу в 1709 году написал об этом так: «Он попал в плохую компанию, как это часто случается с молодыми пареньками; они часто баловались кражей оленей и неоднократно приглашали его грабить принадлежавший сэру Томасу Люси из Чарлехота-парк, что близ Стратфорда. За это он был очень сурово наказан владельцем и в отместку сочинил о нем балладу. Эта, возможно, первая проба его пера была утеряна; хотя говорили, что баллада была написана в столь резкой форме, что гонения на него усилились и ему пришлось даже на какое-то время оставить дела и родных в Уорикшире, а самому скрыться в Лондоне» [цит. по: Акرويد, 2010, 112-113].

Как считают некоторые исследователи, спустя годы Шекспир отомстил Томасу Люси, списав с него образ судьи Шеллоу в «Виндзорских насмешницах», осмеяв его фамилию и герб. Но на этом он не остановился. В той же пьесе Шекспир решил вспомнить еще одну старую обиду. На этот раз его мишенью стал сэр Ральф Брук, йоркский герольд, который в свое время «оспаривал право Шекспира на ношение герба» [там же, 449]. Имя этого господина довольно не лестным образом фигурировало в одном из эпизодов пьесы. Увы, после вмешательства распорядителя королевских увеселений (что-то вроде нашего министерства культуры) Шекспир вынужден был заменить имя «Брук» на «Брум».

В первой части «Генриха IV» Шекспир впервые вывел на сцену пьяницу и пройдоху Джона Фальстафа. Этот образ так понравился королеве Елизавете, что та «уговорила» использовать его и в следующей пьесе. Так этот забулдыга из «Генриха IV» (первой и второй части) перекочевал и в «Виндзорских проказниц».

Все было бы хорошо, если бы Шекспир не допустил обидную промашку: в первом варианте пьесы автор Фальстафа назвал Джоном Олдкаслом. Вероятно, Шекспир «откопал» его, когда работал над предыдущей своей пьесой «Генрих V». Дело в том, что в царствование Генриха V Джон Олдкасл хоть и прославился на поле брани, но к старости стал ярким протестантом, активно боролся с католиками и даже назвал римского папу антихристом. И это еще ничего, но он всячески досаждал и самому королю, который еще не забыл восстание Уота Тайлера. В результате Олдкасла повесили, а его труп сожгли.

Казалось, что это дела минувшие, и появление героя с таким именем в «Генрихе IV» пройдет незаметно. Так оно и было бы, если бы на одном из придворных спектаклей не присутствовал тайный советник сэра Уильям Брук, 10-й лорд Кобем, который, к несчастью, приходился родственником злополучного Олдкасла. Лорду и тайному советнику подобное издевательство над единокровцем, мягко говоря, не понравилось, и он пожаловался распорядителю королевских увеселений Эдмунду Тилни, чтобы отстоять честь и достоинство своего казненного сродника, которого, несмотря на его титулы и бывшие заслуги перед отечеством, представили на сцене в роли хвастуна и пьяницы. Жалобу удовлетворили, и Шекспир был вынужден переименовать Олдкасла в Фальстафа. Мало того, его еще и заставили публично отречься от содеянного. Чтобы как-то подсластить эту горькую пилюлю и пережить унижение, Шекспир во время представления «сам выходил на сцену и объявлял, что в следующей истории, «насколько я знаю, Фальстаф умрет от испарины, если его еще не убил ваш суровый приговор; как известно, Олдкасл умер смертью мученика, но это совсем другое лицо» [там же, 421]. После чего танцевал джигу или какой-нибудь другой танец и уходил.

Более подобных эксцессов в богатой творческой биографии Шекспира, не было: ни с властями, ни с согражданами. Никто из прототипов героев драматурга в дальнейшем не протестовал против использования своего имени или имени кого-то из родни в его спектаклях. Даже королева Елизавета I, которая фигурировала, по крайней мере, в двух его пьесах: к комедии «Сон в летнюю ночь» Шекспир красочно описал величественную весталку, которая восседала на троне и была недоступна стрелам Купидона – в монологе Оберона современники Шекспира без труда узнавали действующую королеву, гордящуюся своей почти вековой девственностью. Существует предположение, что в 1601 году, за год до официальной премьеры в юридической корпорации «Мидл-Темпл», «Двенадцатая ночь» впервые была представлена в резиденции английских королей, самом большом зале Европы, в Уайтхолле. Среди гостей могли быть русский посол Григорий Микулин и дон Вирджинио Орсино, герцог Браччано из Италии. Шекспир мог заранее знать о готовящемся приеме и за короткий срок написать красочную комедию, где по совету итальянского аристократа Браччианского

назвал главного героя герцогом Орсино – в честь знатного гостя королевы Елизаветы. Вирджинию, наверняка, был польщен, увидев себя в спектакле в роли герцога Иллирийского. Но главной особенностью постановки, конечно же, была очаровательная Оливия, которая, по замыслу Шекспира, олицетворяла саму королеву. Во всяком случае, зритель был обязан узнать в ней правительницу Англии, которой в это время исполнилось 68 лет.

Надо сказать, это была очень сложная задача. Ведь реальный прообраз Оливии, сидящий в зале, очень напоминал старуху с гнилыми зубами, с толстым слоем белил на сморщенном лице и огненно-рыжим парике на голове. Как писал английский писатель и критик Джэйлс Литтон Стрэйчи, «чем менее привлекательны становились ее прелести, тем более отстаивала она их наличие. Современники преданно боготворили ее, но от молодых людей, окружавших ее в преклонные годы, она требовала романтического поклонения – и получала его» [цит. по: Холлидей, 1986, 74]. Шекспир был намного более осторожен в высказываниях. И на мир (тем более, на сильных мира сего) смотрел глазами драматурга. Елизавета же высоко ценила эту «близорукость», постоянно осыпая его всевозможными милостями.

Когда к власти пришел Иаков I, Шекспир продолжал действовать по тому же принципу, тщательно выбирая темы и героев своих произведений. Мы уже указывали, как тонко и расчетливо преподнес он в пьесе «Макбет» предка короля – легендарного Банко.

Есть мнение, что роли прототипа главного героя разыгравшейся трагедии больше соответствовал бы Дональд Бейн из хроники того же Рафаэля Холиншеда – вассал короля Дuffа, которого тот убил самым вероломным образом. Но, как говорится, пути поэтов неисповедимы, и выбор Шекспира пал, как мы знаем, на Макбета. Его прототипом был правитель королевства Морей в Шотландии – Мак Бетад мак Финдлэйх, живший в 1005-1057 годах. Также он был опекуном при малолетнем наследнике шотландского трона Лулахе.

Дункан, правитель Стратклайда, сам напал на Мак Бетада и, несмотря на то, что его армия в пять раз превосходила небольшое войско противника, потерпел жестокое поражение. Согласно историческим данным, после этого наступил золотой век Шотландии. Новый король Мак Бетад (Макбет) провел ряд важных реформ, которые способствовали благосостоянию страны. Летописцы, в отличие от Шекспира, отмечают его мудрость, щедрость и доброжелательное отношение ко всем его подданным, невзирая на происхождение. Погиб он почти так же, как у Шекспира, в сражении против сына Дункана Малькольма. Был убит и наследник трона – малолетний Лулах. Однако с легкой руки Шекспира Макбет превратился в жестокого и вероломного убийцу.

Такая же участь постигла и литературного Ричарда III, который на самом деле не был ни хромым, ни горбатым, и вообще не был уродом. Напротив, современники вспоминают его худощавым и весьма привлекательным. Его девизом было: «Loyaulte me lie» – «Верность делает меня стойким». К тому же младший сын герцога Йоркского, Ричард Плантагенет, в реальной жизни не был тем демоническим созданием, коварным злодеем, каким его представляют уже 400 лет. А все дело в политическом заказе от воцарившихся на престол Тюдоров,

которым, как это принято во всем мире и по сей день, чтобы самоутвердиться, необходимо было любым путем дискредитировать предыдущую власть. Ричард III был врагом новой династии, следовательно, его надо было заклеить всеми возможными средствами. В результате Джон Мортон, Томас Мор и, в первую очередь, Уильям Шекспир, создали для потомков образ кровожадного тирана – самый могучий тип негодяя во всей мировой словесности.

Также в «Хрониках» Холиншеда мы можем найти Лира (Леира), сына Бладуда. Он был одиннадцатым королем Британии (909 г. до н. э. – 849 г. до н. э.). Как и шекспировский Лир, он не имел сыновей и не придумал ничего лучшего, как поделить королевство между тремя дочерьми. Однако в результате склок и семейных разборок несчастный монарх бежал в Галлию, где вместе с младшей дочерью собрал большую армию, вернулся в Британию и наказал своих потерявших стыд отпрысков. После этого Леир благополучно царствовал еще три года и, наконец, до конца исполнив родительский долг, передал трон Корделии. По другой версии, менее достоверной, прообразом короля Лира, послужила одна из фигур кельтской мифологии – Лир был богом моря и имел дочерей...

Прототипом Отелло, по одной из версий, является итальянец по имени Маурицио Отелло. Он командовал венецианским войском на Кипре с 1505 по 1508 гг. (по другим данным, был командиром наемников на Балканах). Потерял жену при подозрительных обстоятельствах (другие источники говорят, что она умерла во время плавания по пути на Кипр). По другой легенде – это был венецианский комендант Кипра Христофоро Моро, который управлял островом в начале XVI века. В своем замке в городе Фамагуста он задушил свою молодую жену. Третий вариант – венецианский офицер Франческо де Сесса. За необычную смуглость его прозвали мавром (μαῦρος по-гречески – «черный»). Остальные кандидаты также не были маврами, поскольку венецианцы никогда бы не доверили чернокожему командование флотом, тем более накануне войны с Турцией. Проблема – в их именах: Моро созвучно с «мавр», а уменьшительный вариант Маурицио звучит как «Мауро», к тому же по-итальянски это слово означает «мавр». В дальнейшем маленькую ошибку Шекспира растиражировали, и сейчас Отелло иначе как чернокожим с золотой серьгой в ухе уже невозможно представить.

Наконец, А. К. Дживелегов напомнил о реальном событии, которое произошло в Венеции в 1602 году: «...патриций Санудо убил свою жену, подозревая ее в неверности, хотя все „считали ее за святую“, а перед смертью заставил ее исповедаться. Шекспир мог знать об этом от знакомых венецианцев из посольства» [Дживелегов, 1938, 90-91]. Мавр и Дездемона упоминаются также в новелле итальянца Джиральди Чинтио.

Возможно, Ромео и Джульетта, действующие лица новеллы Маттео Банделло, на самом деле родились в Вероне. Во всяком случае, в XIII веке там жили семьи со схожими фамилиями – Даль Каппелло и Монтиколи. Сами веронцы считают, что трагедия молодой пары произошла в период правления сеньора Бартоломео I делла Скала в 1301-1304 гг. (у Шекспира – Эскал, герцог Веронский).

Данте Алигьери, который, наверное, был лучше осведомлен, пишет об этом в шестой песне «Чистилища» своей «Божественной комедии» [Данте, 1967, 182]:

Приди, беспечный, кинуть только взгляд:
Мональди, Филиппески, Каппеллетти,
Монтекки, – те в слезах, а те дрожат!
(пер. М.Л. Лозинского)

Во всяком случае, многие видят здесь среди прочих обитателей Чистилища родителей несчастных влюбленных.

Где здесь правда, где домысел, сейчас невозможно установить, но до сих пор в Вероне на том самом месте, где герои Шекспира поклялись, в буквальном смысле слова, в «любви до гроба», проходит знаменитый праздник *Patto d'Amore*, где собираются молодожены со всей Италии. В конце красивейшей церемонии они идут в церковь монастыря Св. Франциска, где когда-то состоялось тайное бракосочетание Ромео и Джульетты и где находится знаменитая крипта с саркофагом Джульетты – *Tomba di Giulietta*.

Добавим только, что впервые рассказ «Ромео и Джульетта» был опубликован в 1476 году в итальянском сборнике новелл, составленном Мезуччо Салернитано. Спустя три десятилетия Луиджи да Порто переработал рассказ, создав вариант, близкий к версии Шекспира. Англоязычный перевод «Трагической истории Ромео и Джульетты» был издан в 1562 году.

Прототипом волшебника Просперо в «Буре» был «волшебник» – блистательный математик и астроном, идейный отец розенкрейцерства, доктор Джон Ди. Считается, что у него был ключ от Манифеста тайного общества. В 90-е гг. XVI столетия Ди жил в Лондоне недалеко от театра, где служил Шекспир. Поэтому есть все основания считать, что оба гения были хорошо знакомы.

Действующие лица трагедии «Гамлет» и их прототипы

Что касается самого известного произведения Шекспира – трагедии «Гамлет», то действующим лицам этой пьесы исследователи с определенными оговорками и допущениями предлагает целую галерею первообразов.

Считается, что прототипом главного героя был датский принц Амлет, живший до 826 года. Эта дата связана с приходом в Данию первой христианской миссии и началом ее христианизации (официальный год принятия Данией христианства 960 год, при Харольде I). А история Амлета, согласно источникам, восходит к языческим временам, т. е., как уже указывалось, до 826 года.

Спустя 400 лет эта повесть встречается в одной из исландских саг. Ее автор знаменитый в Исландии поэт-кельт Снорри Стурлусон (1178-1241), автор «Младшей Эдды» (главный источник древнескандинавской мифологии и поэзии скальдов) и «Круга земного» – истории Норвегии с древних времен до 1177 года.

Независимо от него, примерно в те же годы датчанин Самсон Грамматик поместил эту же историю в третью книгу хроники «Деяния данов». Ее начало хорошо известно, так как легло в основу шекспировского «Гамлета». Во второй же, менее известной части, Амур, наконец, стал королем Ютландии. Спустя какое-то время он на трех кораблях отправился в Англию, где все еще находилась его законная жена. Но король Англии, узнав об убийстве Фенге, на этот раз отказался отдавать ему свою дочь. Несчастный забыл, с кем имеет дело. Амур, естественно, убил и короля Англии, после чего вернулся на родину. Однако чего-то он не рассчитал и пал в битве то ли смертью храбрых, то ли не очень героически – летописцы об этом умалчивают. Его похоронили на полуострове Ютландия около местечке Ослев, где и установили могильный камень.

Уже после того, как Шекспир написал свою трагедию «Гамлет», пошла новая волна прототипов принца Датского. Среди них Эдуард де Вер (17-й граф Оксфорд), сэр Филипп Сидни (английский поэт), Фрэнсис Бэкон (философ), Роджер Меннерс (5-й граф Ратленд), Кристофер Марло (драматург).

Известны прототипы и других действующих лиц пьесы. Так, с известной долей риска можно утверждать, что имя Офелия взято из опубликованного в Венеции и чрезвычайно популярного в Англии того времени пасторального романа итальянского писателя XV-XVI столетий Якопо Саннадзаро «Аркадия».

В то же время юный Уильям мог быть нечаянным свидетелем возможного самоубийства молодой девушки по имени Кэтрин Гамнет, которая то ли запуталась в ведрах и упала в реку Эвон, то ли бросилась туда вследствие несчастной любви. Во всяком случае хоронили ее, как и Офелию в трагедии Шекспира, без соответствующего церковного обряда.

Прототипом Лаэрта можно считать графа Эссекса – столь же честолюбивого и вспыльчивого, как и Лаэрт. Он устроил мятеж и пытался ворваться в королевский дворец, за что был приговорен к смерти и казнен. А смертный приговор был составлен его бывшим другом Фрэнсисом Бэконом (в трагедии Шекспира смертельную рану Лаэрту нанес также его бывший друг – Гамлет).

В первом, так называемом «плохом кварто», Полоний был представлен под именем Корамбис (Corambis), которое, вероятно, происходит от латинского изречения: «*crambe bis posita mors est*» («капуста, поданная дважды, смертельна»). Многие уверены, что прототипом Полония-Корамбиса является сэр Уильям Сесил, 1-й барон Берли (1520/1521-1598) – премьер-министр Елизаветы I. Письмо лорда младшему сыну очень напоминает известное напутствие Полония Лаэрту перед его отъездом во Францию.

Во втором акте Гамлет называет Полония торговцем рыбой. Принято считать, что в эту реплику Гамлет вкладывает иносказательный смысл, а именно: «Полоний – сводник; он торгует собственной дочерью». Однако есть версия, что никакого второго смысла у этой фразы нет. Лорд Берли, который подразумевается под образом Полония, действительно за определенное вознаграждение помогал рыбацким компаниям сбывать свою продукцию. И еще не исключено, что сына лорда государственного секретаря, Роберта Сесила, Шекспир «увековечил» в образе Озрика.

Прототипом бедного Йорика многие считают Ричарда Тарлтона – актера труппы «Слуги ее Величества Королевы», самого известного комика эпохи Возрождения и любимого шута Елизаветы I.

Розенкранцем (Rosencrantz) звали спутника датского посла, прибывшего в Англию по случаю вступления на престол в 1603 году Иакова I (впрочем, при сопоставлении дат выхода в свет трагедии и упомянутой коронации данная версия представляется маловероятной). Имя Гильденстерн (Guildenstern) встречается в списках датчан, путешествовавших по Англии. Эти имена значатся также в списках Падуанского и Виттенбергского университетов. В то же время так звали предков астронома Тихо Браге, который в 1590 году прислал английскому ученому Томасу Сэвилу свою книгу с фамильным гербом, где значились имена его предков Sophie Gyldenstierne и Erik Rosenkrantz. И если учесть, что в английских аристократических кругах в те годы астрономия была достаточно модным увлечением, эта версия кажется вполне вероятной.

В короле Клавдии (Claudius) комментаторы видят связь с римским императором Клавдием (10 г. до н. э. – 54 г. н. э.). Во времена Шекспира император Клавдий слыл примером извращенного правителя. Среди огромного числа его преступлений отмечается также брак с собственной племянницей Агриппиной, матерью Нерона. Этот брак признавался кровосмесительным.

Заключение

Этот, далеко не полный, список разнообразных прототипов шекспировских героев. Сложная работа Шекспира над образами, сопряженная с обращением к давней (античной, средневековой) и современной автору истории, каламбурной обработкой звучания/значения имен, «кодированием» скрытой информации, дает основание заключить, что и образ Горация также имел свой прообраз. И при наличии смелых и весьма качественно аргументированных версий [Гилилов, 2007; Литвинова, 2008] эта работа может быть продолжена, и на этом пути, уверенны, нас ждет масса удивительных открытий.

Библиография

1. Акرويد П. Шекспир. Биография. М.: КоЛибри, 2010. 736 с.
2. Верховский Л. Гамлет. Смена караула // Знание-сила. 2012. № 4. С. 69-73.
3. Гилилов И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М.: Международные отношения, 2007. 540 с.
4. Данте А. Божественная комедия. М.: Наука, 1967. 260 с.
5. Дживелегов А. К. Шекспир и Италия // Литературная учеба. 1938. № 2. С. 90-91.
6. Литвинова М.Д. Оправдание Шекспира. М.: Вагриус, 2008. 656 с.
7. Холлидей Ф. Е. Шекспир и его мир. М.: Радуга, 1986. 168 с.

Possibility of availability of prototype by Horatio in the play of Shakespeare "Hamlet"

Ara A. Erndzhakyan

PhD in History of Arts,
Honored Artist of Armenia,
People's Artist of the Republic of Armenia,
Artistic director of the Yerevan State Chamber Theater,
0009, 58 Mashtotsa av., Yerevan, Armenia;
e-mail: chamber_theatre@mail.ru

Abstract

The author of the article considers number of prototypes of the heroes of Shakespeare's works, including actors of the tragedy "Hamlet". The author interprets the tendency of literary "prototyping" as one of the important features of Shakespeare's creative manner, which gives grounds to conclude that many characters of his plays, regardless of their participation in the action, can have real prototypes. Of particular interest to the author is the image of Horatio from the tragedy "Hamlet" – a friend and classmate of the Prince of Denmark. However, the aim of the research is not to search for and analyze existing and probable versions, but to lead to the idea of the possibility of a prototype for a given character, derived from the specifics of Shakespeare's work. In this connection, the article provides a large-scale illustration of the facts of "borrowing", a substantiation of their significance in the work of the classic. Shakespeare's complex work on images, coupled with the appeal to the ancient, medieval and modern author of history, punishing the sound / meaning of names, "coding" hidden information, suggests that the image of Horace also had its prototype. And in the presence of bold and very qualitatively argued versions this work can be continued, and along this path, we are sure that a lot of amazing discoveries await us.

For citation

Erndzhakyan A.A. (2017) Vozmozhnost' nalichiya prototipa u Goratsio v p'ese Shekspira "Gamlet" [Possibility of availability of prototype by Horatio in the play of Shakespeare "Hamlet"]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (2A), pp. 86-95.

Keywords

Image system, prototype, Hamlet, Horatio, Shakespeare, Elizabeth I.

References

1. Ackroyd P. (2006) *Shakespeare: the biography*. Anchor Publ. (Russ.ed.: Akroid P. (2010) *Shekspir. Biografiya*. Moscow: KoLibri Publ.).
2. Dante A. (1962) *La divina commedia*. Harvard University Press (Russ.ed.: Dante A. (1967) *Bozhestvennaya komediya*. Moscow: Nauka Publ.).
3. Dzhivegov A. K. (1938) Shekspir i Italiya [Shakespeare and Italy]. *Literaturnaya ucheba* [Literary Studies], 2, pp. 90-91.
4. Gililov I.M. (2007) *Igra ob Uil'yame Shekspire, ili Taina Velikogo Feniksa* [Game about William Shakespeare, or the Mystery of the Great Phoenix]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
5. Halliday F.E. (1963) *The life of Shakespeare*. Penguin Pub. (Russ.ed.: Khollidei F. E. (1986) *Shekspir i ego mir*. Moscow: Raduga Publ.).
6. Litvinova M.D. (2008) *Opravdanie Shekspira* [Justification of Shakespeare]. Moscow: Vagrius Publ.
7. Verkhovskii L. (2012) Gamlet. Smena karaula [Hamlet. Changing the guard]. *Znanie-sila* [Knowledge is power], 4, pp. 69-73.